Приложение к газете „Известия" „НЕДЕЛЯ"
г. МОСКВА
23 НОЯ 196

КРАКОВСКИЙ СТАРЫЙ

Краковский Старый театр, гастрольные спектакли которого проходят сейчас в Москве и Вильнюсе, —один из интереснейших и своеобразнейших творческих коллективов Польши. С понятием о своеобразии театра у нас связывается обычно представление о его ведущем режиссере, художественном руководителе. Художественное руководство Старым театром осуществляет с 1963 года Зыгмунт Хибнер, именно в эти годы коллектив добился наиболее значительных творческих успехов, завоевавших ему широкое признание и в Польше, и за ее пределами, но при всем том его не назовешь театром Хибнера. Ибо ведущих режиссеров в Старом театре трое: на равных правах с театром Хибнера сосуществуют театр Конрада Свинарского и театр Ежи Яроцкого. Сосуществуют мирно, хоть каждый из них — первоклассный мастер с неповторимым творческим лицом.

Сцена из спектакля «Фантазий».

И все же общность идейно-творческих устремлений коллектива очевидна. Свидетельство тому — работы, показанные в Москве. И в горькой, жестокой ироничности пьесы «Фантазий» Юлиуша Словацкого, поставленной Конрадом Свинарским; и в напряженно-мрачном трагизме «Судей» и «Проклятия» — двух одноактных пьес Станислава Выспяньского, поставленных им же; и в «Доченьке» современного польского поэта Тадеуша Ружевича — спектакле, где о грубой прозе жизни режиссер Ежи Яроцкий рассказывает средствами поэтического театра, рассказывает с рвущей душу болью — во всех этих работах явственно ощутимо стремление говорить о самом главном, о проблемах одновременно и вечных, и сегодняшних: о том, что человек должен быть человеком, о подлинных и мнимых ценностях жизни, о ее вечной красоте и о тупом изуверстве, с которым люди еще иногда калечат свои и своих ближних души. И даже шекспировское «Укрощение строптивой», поставленное Зыгмунтом Хибнером с ошеломляюще дерзкой выдумкой, идущее под немолчный хохот зрительного зала, — даже этот сверкающий истинно вахтанговской театральностью спектакль говорит в конечном счете о вечном — о ликующей радости жизни.

Мы назвали трех мастеров. Их следовало бы назвать гораздо больше: спектакли, показанные в Москве, познакомили нас с рядом первоклассных актерских дарований. Те, кто видел «Доченьку», долго не забудут трагически отрешенный и словно бы растерянный взгляд Ежи Калишевского, вопрошающего нас, вопрошающего себя: откуда столько злобы в мире, почему не все мы и не всегда можем жить в ладу с самими собой? Не забудется тоскливая, покорная надломленность Эвы Лясек в той же «Доченьке»; хлопотливо-смешная и одновременно трогательная экзальтированность героини Мирославы Дубравской в «Фантазии»; колючая, нервная порывистость Анны Полоны в пьесе Словацкого и отчаянная, забубенная лихость ее же Катарины из «Укрощения строптивой»; озлобленно-высокомерная ироничность Антония Пшоняка в главной роли пьесы Словацкого и наивно-радостный напор молодых сил любующегося самим собой шекспировского Петруччио в исполнении Войцеха Пшоняка. Всех не перечислишь.

Старый театр идет в искусстве трудным путем. Он говорит со зрителем на равных, говорит серьезно и уважительно, без заискивания. Его успех — это успех «долговременной отдачи».

А. ЯКОВЛЕВ.